

на Арктике — Приразломное месторождение «Газпромнефти», которое далеко не блещет ни финансовыми, ни инфраструктурными, ни экологическими достижениями. Не исключено, что эти проекты стремятся разработать для освоения крупных, сконцентрированных в одном месте бюджетов, а также для того, чтобы с помощью мегапартнерства поставить ведущие западные нефтяные компании в политическую зависимость от нынешнего российского режима.

Быть может, аналитики сумеют доказать, что разработка малых и старых месторожде-

ний в Западной Сибири и в других традиционных центрах добычи силами средних нефтяных компаний из России и из-за рубежа — это более эффективный для отрасли и государственного бюджета тип проекта. Остается надеяться, что сторонний беспристрастный взгляд американского профессора поможет не только западным академическим кругам разобраться в истории нефтяной отрасли России, но и российским чиновникам и руководителям нефтяного сектора составить рациональный план движения вперед. ■

ИЛЬЯ ЗАСЛАВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Интересный материал об этой книге см.: Мельников К. Автора на вышку! // Коммерсантъ Власть. 2013. № 5 (11 февр.) (<http://www.kommersant.ru/doc/2121570/print>).

² Тот факт, что подобного рода решения не могут быть навязаны «силовиками», очевидным образом подтверждается историей с главой «Русснефти» Михаилом Гучериевым, имевшей место позже, в 2006–2010 годах. Так, в 2006-м, когда Гучериев утратил расположение властей, против него и против руководства его компании «Русснефть» было возбуждено больше 70

уголовных дел. В июле 2007 года, после того как «Русснефть» обвинили в неуплате налогов, Гучериев покинул Россию. Месяцем позже Тверской районный суд Москвы заочно арестовал Гучериева. Три года Гучериев прожил в Лондоне, находясь в международном розыске. В 2010-м все обвинения с Гучериева были сняты, и он вернулся в Москву. Стоило Путину сменить гнев на милость, никакая вражда Сечина и других «силовики» по отношению к Гучериеву не смогла повлиять на решение вернуть ему контроль над нефтяной компанией.

Dominic Lieven. Russia Against Napoleon: The True Story of the Campaigns of War and Peace. N. Y.: Viking, 2009. xvii + 617 p.

«Поистине удивительная особенность русской национальной мифологии о победе над Наполеоном состоит в том, что она крайне преуменьшает русские достижения». Доминик Ливен делает это совершенно справедливое замечание в заключении своей книги о борьбе России с Наполеоном. Действительно, в России это до сих пор война 1812 года, вот и музей только что

одноименный открыли в рамках «года истории». Спаситель у нас Кутузов, ставший поменьше вмешиваться в божий промысел. И конечно, народ, «поднявший дубину», каковая дубина занимает в упомянутом музее почетное место в экспозиции. Хорошо хоть, не приходится выбирать между народом и Кутузовым, как выбираем мы с упорством, достойным лучшего применения, между двумя спасителями — народом

и Сталиным — применительно ко второй Отечественной.

Несправедливо было бы все свалить на Льва Толстого, хотя Ливен и указывает на него прямо в подзаголовке книги как на своего главного оппонента. Просто концепция Толстого, после дополнительного упрощения, оказалась весьма удобной для той версии национального мифа советского покроя, которую до сих пор учат в школе. В ней есть прусские генералы, дающие глупые советы, в ней нет Александра I как значительного персонажа, а Россия войну ведет и победу одерживает в одиночку.

Теперь у нас есть книга, которая позволяет увидеть историю борьбы России с Наполеоном во всей ее величественной полноте. Книгу эту написал британский историк, чьи предки немало отличились на русской службе, в том числе и в ходе этой войны. Без сомнения, это на сегодня лучшая книга Ливена и, риску предположить, самая важная для него лично. Эта война и русская армия в этой войне — для Ливена и предмет многолетнего исследования, и часть семейной легенды, и даже хобби — он уже много лет коллекционирует фигурки солдатиков того времени.

Пожалуй, больше всего меня, как профессионального историка, удивляет многогранность Ливена. Прежде всего он блестящий военный историк. Десять лет назад, когда всех интересовало в империях их умение регулировать разнородность, полиэтничность и поликонфессиональность, или так называемая «мягкая сила», Ливен жестко напомнил в своей книге «Империя: Россия и ее соперники» (в русском переводе название было переименовано — с тенденцией — как «Россия и ее враги»^{*}), что империя — это, прежде всего, механизм генерирования и проекции жесткой, военной силы.

Боевые действия и армия показаны Ливеном от «а до я». Ход сражений описан подробно и в то же время увлекательно.

Пожалуй, главная удача Ливена в этой части — то, как ему удается заставить читателя почувствовать фактор времени в ходе войны, его особенности и его значение в условиях, когда информация двигалась со скоростью всадника, а большая часть армии — со скоростью нагруженного амуницией солдата.

Но война у Ливена далеко не исчерпывает рассказом о сражениях.

Мы узнаем, как солдата мобилизовали, как он ел, пил, спал, как его учили, лечили. Мы узнаем, как работали тыловые службы — от заготовки провианта до производства вооружений. Ливен рассказывает, как старались сохранить костяк воинских частей, выводив их из боя при определенном проценте потерь, как вливали пополнение в потрепанные в боях части, что значил боевой опыт. Он показывает, как солдаты того времени, в силу условий службы и ее почти пожизненного характера, сплачивались если не в семью, то в своеобразную артель, с общим котлом, общей казной, общим пониманием воинской чести, и как это влияло на стойкость солдат в бою. Все это — превосходный образец уже не столько сугубо военной, сколько социальной истории. Все это позволяет Ливену объяснить тот парадокс, что русская армия, во многих отношениях традиционная, оказалась не менее боеспособной, чем созданная на новых основаниях «вооруженной нации» и изначально лучше вооруженная армия Наполеона. И это позволяет Ливену развенчать миф о том, что русские солдаты не имели в 1813 году той мотивации, что была у них в 1812-м. Верность сослуживцам, честь полка никуда не исчезли в европейском походе.

Не менее внимательно и увлекательно Ливен обсуждает стратегический аспект войны. Он рассказывает, какую колоссальную роль в успехе России в 1812 году сыграла раз-

^{*} Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. См. рецензию Алексея Миллера на русский перевод книги в: Pro et Contra. Том 11. 2007. № 3. С. 110–114. — Прим. ред.

ведка, благодаря которой планы Наполеона были Александру I известны заранее. Миф о победе русского народа в форме и с ружьем или в тулупе с дубиной отодвигает в тень забвения выдающуюся роль Александра. Эта роль хорошо видна уже на начальном этапе войны, когда он, пришедший на трон при хорошо известных обстоятельствах и знавший, как зыбка бывает монаршая власть, выбрал вместе с Барклаем единственно верную тактику долгого отступления, рискуя потерей контроля над собственными элитами. В этот момент он переиграл Наполеона, заставив его вести совсем не такую войну, на которую тот рассчитывал.

Что еще остается за рамками нашего мифа о войне с Наполеоном? Например, тот основополагающий факт, что Россия была аристократической полиэтнической империей и офицерский корпус ее армии был собранием людей, происходивших из самых разных уголков Европы. Наиболее наглядно этот факт представлен в помещенных в конце книги двух списках командного состава армии (один — на начало кампании 1812-го, другой — на начало кампании 1813 года), которые по совершенно непонятной причине отсутствуют в русском издании.

Но самый главный вклад Ливена в преодоление нашего мифа 1812 года состоит в том, что он отказывается остановиться там, где Толстой закончил свое повествование, похоронив Кутузова. Вторая половина книги посвящена событиям 1813—1814 годов, которым в рамках отечественного мифа места не нашлось. (Ну разве что за исключением мифического происхождения слова «бистро».) Это как если бы историю второй Отечественной рассказывали только до

1943 года. Между тем Россия в начале XIX века сумела привести в Европу пятисоттысячную армию, сохранить ее боеспособность в течение длительной кампании на чужой территории и при этом не восстановить против себя местное население. И это в Европе, где на тот момент лишь четыре города имели численность более 500 тыс. человек.

Здесь Ливен вновь воздает должное Александру как архитектору коалиции, объединившей три великие европейские династии и сохранившей свою прочность до полного разгрома Наполеона в 1814 году, что исключило для него возможность реванша. (А «сто дней» после бегства с Эльбы показали, что со стороны Наполеона попытка реванша была неизбежна.) В рассказе о 1813—1814 годах Ливен уже предстает блестящим историком дипломатии.

Конечно, замечает в заключение Ливен, русским удобнее идентифицировать себя с армией, которая под командованием Кутузова в одиночку сражалась с врагом под Бородином, а не с коалиционной армией под командованием Барклая и Карла Шварценберга, победившей при Лейпциге. Так и англичане больше всего любят вспоминать, как они в одиночку сражались с Гитлером в 1940-м. Но когда Александр в 1813 году повел свою измотанную армию в Центральную Европу, чтобы мобилизовать нерешительных союзников и твердой рукой привести их в Париж, он исходил из того, что только так может обеспечить безопасность собственной страны. Достижениями этого периода русским следует гордиться не меньше, чем подвигами 1812 года. ■

АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР